

УДК 347.113

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ К ОТНОШЕНИЯМ ПО ПОВОДУ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА

Плиева Н. Г.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

В статье излагаются результаты исследования проблемы применения общих положений об обязательствах к отношениям по поводу возмещения вреда. Обращается внимание на то обстоятельство, что ст. 307.1 ГК предусматривает такое применение, но не содержит правила о возможности применения к таким отношениям общих положений о договорах, что нельзя признать правильным. Обосновывается вывод о том, что к обязательствам вследствие причинения вреда не может применяться п. 3 ст. 401 ГК вследствие наличия в этом пункте оговорки «если иное не предусмотрено законом». Показывается возможность применения к обязательствам вследствие причинения вреда ст. 381 ГК по причине наличия в ст. 1091 ГК содержательных дефектов, исключающих возможность ее применения. Обосновывается возможность толкования понятия причинной связи, которое используется при формулировании общих положений об обязательствах, с учетом того понимания причинной связи, которое вытекает из ст. 1079 и 1080 ГК.

Ключевые слова: возмещение вреда, системные связи, вина, обязательства, правовые нормы, причинная связь.

Проблема применение общих положений Гражданского кодекса об обязательствах к отношениям по поводу возмещения вреда имеет важное значение для защиты имущественных прав и интересов как лиц, чьи права нарушены и которые получают право на возмещение причиненного им вреда, так и лиц, обязанных такой вред возместить. Можно утверждать также, что надлежащее решение вопросов, связанных с применением общих положений об обязательствах к отношениям по поводу возмещения вреда имеет существенное значение для защиты гражданского оборота в целом. Теоретические основы для защиты такой оптимизации призвана создать наука гражданского права. Однако исследования правового регулирования отношений по поводу возмещения вреда ведутся во много раз менее интенсивно, чем, например, исследование договорных обязательств. Что касается проблемы, которая поставлена и рассматривается в настоящей статье, то она вообще остается за пределами внимания науки гражданского права. А законодательная и правоприменительная практика решает соответствующие проблемы во многом интуитивно, без опоры на науку. С учетом изложенного тема настоящей статьи должна быть признана актуальной.

Хотя специально проблема системных связей положений института обязательств вследствие причинения вреда и общих положений не исследовалась, методологические основы для ее исследования созданы научными исследованиями Т.М. Яблочкова, К.М. Варшавского, С.А. Беляцкина, А.С. Кривцова, К.К. Яичкова, Х.И. Шварца, М.М. Агаркова, О.С. Иоффе, Н.С. Малеина, Е.А. Флейшиц, В.Г. Смирнова, А.А. Собчака, Г.К. Матвеева, Б.С. Антимонова и других ученых.

Структура Гражданского кодекса позволяет распространить на обязательства вследствие причинения вреда действие положений общей части обязательственного

права, то есть общих положений об обязательствах (ст. 307-319 ГК) и общих положений о договорах (ст. 420-453 ГК). О возможности такого распространения свидетельствуют указания в п.2 ст. 307 ГК на возникновение обязательств вследствие причинения вреда, в абзаце втором ст. 411 ГК указывается на недопустимость перехода к другому лицу требований о возмещении вреда и на недопустимость зачета требований о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, Законодатель, однако, решил внести большую определенность в соответствующее правовое регулирование и при внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ установил, что к «обязательствам вследствие причинения вреда и к обязательствам вследствие неосновательного обогащения общие положения об обязательствах (настоящий подраздел) применяются, если иное не предусмотрено правилами глав 59 и 60 настоящего Кодекса или не вытекает из существа соответствующих отношений» (п. 2 ст. 307.1 ГК). Действуя таким образом, законодатель подтвердил то, что до этого лишь вытекало из структуры Гражданского кодекса: сделал явное еще более явным. Исследования проблемы целесообразности такого метода правотворчества выходит за пределы темы настоящей статьи. Они, очевидно, должны вестись в русле общих исследований проблем юридической техники, опыт которых в отечественной юридической науке накапливается [1; 2].

Но здесь следует обратить внимание на ту долю неясности, которую внес в обязательственное право п.1 ст. 307.1 ГК: предусмотрев возможность применения к обязательствам вследствие причинения вреда общих положений об обязательствах, то есть положений подраздела 1 раздела III Гражданского кодекса, законодатель исключил применение к обязательствам вследствие причинения вреда общих положений о договоре, содержащихся в подразделе 2 раздела III Гражданского кодекса (вывод *a contrario* из п. 2 ст. 307.1 ГК). Такой вывод, как утверждает в одном из исследований, судебная практика (начиная от практики Конституционного Суда) использует фактически, хотя ни разу не признала возможность такого использования в виде общей на этот счет правовой позиции [3, с.307-312]. Но наука признает такой вывод как средство правотолкования и вообще [4, с. 305-312; 5, с.157-159] и при разрешении конкретных коллизий [6, с.129-132], хотя последнее и случается нечасто.

Таким образом, имеется правовая норма, которая текстуально нигде не формулируется, но логически в п. 2 ст. 307.1 ГК закреплена. При толковании эта правовая норма обнаруживается при помощи вывода от противоположного (от противного, от обратного). Обилие русскоязычных терминов заставляет использовать латинское выражение «*a contrario*». Следовательно, правовая норма, которая не допускает применения к обязательствам вследствие причинения вреда положений подраздела 2 раздела III (ст. 420-453) Гражданского кодекса в гражданском праве имеется. Надо только разобраться, как ее применять. Утверждается, что, по общему правилу, такие правовые нормы не способны к конкуренции с другими правовыми нормами того же иерархического уровня [3, с.326]. Очевидно, тем более – с правовыми нормами высшего иерархического уровня. Но при отсутствии такой конкуренции рассматриваемые правовые нормы применению подлежат. Следовательно, подлежат применению и правовая норма, которая логически закреплена в п. 2 ст. 307.1 ГК, обнаруживается при толковании при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой

общие положения о договорах к обязательствам вследствие причинения вреда применяться не могут. Впрочем, проблему поиска конкурирующей нормы нельзя считать решенной. Такой поиск можно продолжить, прежде всего, в законодательном массиве, который касается свободы договора (и принципа, и конкретной правовой нормы).

Но если решение рассматриваемой проблемы представляется сложным *de lege lata*, то *de lege ferenda* такое решение сложности не представляет: сторонам обязательства вследствие причинения вреда, конечно же, надо законом предоставить право заключать договоры о размере, условиях в том числе о сроках, способах возмещения вреда. Если потерпевшим (кредитором) в таком обязательстве является гражданин, то надо было бы установить специальную правовую норму, содержание которой следовало бы позаимствовать из ст. 16 Закона «О защите прав потребителей»: такие договоры в части ухудшения положения потерпевших по сравнению с законом должны признаваться недействительными (ничтожными).

Что касается обязательств вследствие причинения вреда, сторонами которых являются юридические лица, то очень трудно найти аргументы против того, чтобы им не было предоставлено право заключать договоры рассматриваемого рода. Если возникнут опасения по поводу налогово-правовых последствий такого рода соглашений, то для целей налогообложения можно было соответствующие показатели брать исходя из размеров и порядка возмещения вреда, установленных законом. Установление законодательных положений, разрешающих договорное определение размера и условий возмещения вреда, является целесообразным с учетом, например, разрешения сторонам залоговых правоотношений, возникших на основании закона (на основании обстоятельств, предусмотренных законом), заключать соглашения, имеющие юридическую силу для их сторон (п.3 ст. 334.1 ГК).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в п.2 ст. 307.1 ГК после слов «общие положения об обязательствах» законодатель в скобках сделал уточнение «настоящий подраздел» (применяется к обязательствам вследствие причинения вреда). Это означает, что к обязательствам вследствие причинения вреда применяются не только положения собственно об обязательствах, но и положения подраздела 1 раздела III Гражданского кодекса, касающиеся оснований возникновения обязательств (поскольку в этом подразделе содержатся многочисленные правила на этот счет). Это, в частности, дает основание применять к обязательствам вследствие причинения вреда положение абзаца второго п. 1 ст. 401 ГК, в соответствии с которым «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства». Разумеется, эта правовая норма для целей применения главы 59 Гражданского кодекса в части ее гипотезы подлежит уточнению: речь в этом случае должна идти о той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от лица по обстоятельствам, при которых был причинен вред. Да и все меры, которые должно принять лицо, должны быть направлены на предотвращение вреда. С учетом этих уточнений положение абзаца второго п. 1 ст. 401 ГК является вполне применимым к обязательствам вследствие причинения вреда.

Связь положений Гражданского кодекса об основаниях ответственности за нарушение обязательств и положений об основаниях возникновения обязательств

вследствие причинения вреда как одна из проблем применения общих положений об обязательствах к отношениям, регулируемым институтом обязательств вследствие причинения вреда вызывает особый интерес. На такую связь указывают уже заглавия ст. 401 ГК («основания ответственности за нарушение обязательства») и ст. 1064 ГК («основания ответственности за причинение вреда»).

Нельзя не заметить разницы в содержании этих статей: если в ст. 401 ГК речь идет только о вине как основании ответственности, то в ст. 1064 ГК вина понимается как одно из оснований ответственности за причиненный вред, хотя в заглавиях обеих статей слово «основания» употребляется во множественном числе. Эта проблема решается в аспекте *de lege ferenda* довольно просто: ст. 401 ГК надо озаглавить несколько иначе (например, «вина, как одно из оснований ответственности за нарушение обязательства»), а еще лучше «вина, как одно из условий ответственности за нарушение обязательства», имея виду, что совокупность соответствующих условий будет составлять основание ответственности. Слово «основание» при этом будет употребляться в единственном числе). Ст. 1064 ГК также следует озаглавить иначе (например, «основание возникновения обязательств вследствие причинения вреда»), имея виду, что это основание будет составлять та же совокупность условий, которая составляет основание ответственности за нарушение обязательства).

Правоприменительные вопросы соотношения между рассматриваемыми законодательными положениями являются гораздо более сложными. По своему содержанию статьи 401 и 1064 ГК находятся в состоянии гораздо большего противоречия, чем их заглавия. Если попытаться выйти к истокам этого противоречия, то можно заметить следующее. Ст. 444 ГК 1964 г. содержала в части вины как условия возникновения обязательств вследствие причинения вреда то же положение, что и ст. 222 ГК 1964 г. применительно к общим основаниям об обязательствах. В ст. 401 ГК, первая часть которого была принята в 1994 г., условие о вине как элементе основания ответственности за нарушение обязательства было изложено в двух правовых нормах. Общая правовая норма, признающая вину условием ответственности за нарушение обязательства, была изложена в положении п. 1 ст. 401 ГК. Специальная правовая норма была закреплена в п. 3 ст. 401 ГК. Ее действие распространяется на случаи нарушения обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности. В этих случаях должник несет ответственность не только при наличии вины, но и при отсутствии вины. Он освобождается от ответственности только при условии, если докажет, что нарушение обязательства явилось следствием действия непреодолимой силы. Таким образом, сфера ответственности должника, нарушившего обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, была расширена: теперь такой должник отвечает и за безвиновное (случайное, не охватываемое непреодолимой силой) нарушение обязательства. Это актуализировало и проблему соотношения понятий случая и непреодолимой силы, что, однако, выходит за пределы темы настоящей статьи.

Отсутствие в п. 2 ст. 1064 ГК РФ решения вопроса о дифференциации основания ответственности за причиненный вред по критерию характера деятельности причинителя вреда при причинении вреда (предпринимательская и иная деятельность) в какой-то мере было компенсировано содержащейся в этом законодательном положении оговоркой «законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины». Этим не только была устранена коллизия между п. 2 ст. 1064 ГК, с

одной стороны, и ст. 1070, 1079 и другими статьями главы 59 ГК, которые предусматривают случаи безвиновной ответственности за причиненный вред, – с другой, но и был внесен вклад в придание коллизии между п. 3 ст. 401 ГК и п. 2 ст. 1064 ГК характера неразрешимой при наличном уровне правотолкования (в его практических и теоретических аспектах).

Суть проблемы заключается в определении тех правовых норм, к которым отсылают оговорки «законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины» или другие аналогичные по своему юридическому содержанию оговорки. То, что эта оговорка в п. 2 ст. 1064 ГК отсылает к специальным правовым нормам, установленным ст. 1070, 1079, 1100 и некоторыми другими статьями Гражданского кодекса, не должно вызывать дискуссий. И применительно к этим правовым нормам рассматриваемая оговорка вообще не имеет существенного значения, поскольку правило «*lex specialis derogat generali*» действует независимо от наличия в законодательном положении, устанавливающем общую норму, оговорки о ее неприменении при наличии не совместимой с нею специальной правовой нормы. Существенно решение другого вопроса: отсылает ли оговорка, содержащаяся в п. 2 ст. 1064 ГК и допускающая возникновение обязательств вследствие причинения вреда при отсутствии вины причинителя вреда, к п. 3 ст. 401 ГК, которая в соответствующей части допускает ответственность за безвиновное нарушение. Но, несмотря на существенность этого вопроса, и наука гражданского права не проявляет готовности к разрешению подобного рода вопросов, и судебная практика оказывается не вполне готовой к разрешению подобного рода коллизий. Так, сравнивая правовой режим договорной и деликтной ответственности, Т.В. Драгунова пишет, что «в отношении предпринимательских договоров действует особое правило, предусматривающее, что презумпция вины может быть опровергнута исключительно ссылкой на действие непреодолимой силы...» [7]. Но при этом вообще не ставится вопрос о возможности (или невозможности) применения п.3 ст. 401 ГК к деликтным обязательствам.

С.А. Сеницын несколько приближается к рассматриваемой проблеме, но его суждения имеют противоречивый характер: «Объем регулирования нормы ст. 401 ГК РФ изначально не распространен на случаи внедоговорной ответственности лиц, не участвующих в обязательстве в качестве его сторон, что одновременно не исключает их гражданско-правовой ответственности за причинённые их противоправными действиями убытки по правилам о деликтной ответственности» [8, с. 495]. Наличие в тексте слова «изначально» дает основание ожидать, что в дальнейшем будет показано и доказано, что в силу дополнительных каких-то обстоятельств такое распространение становится возможным. Однако в дальнейшем автор ведет речь не о возможности распространения ст. 401 ГК на отношения по поводу возмещения вреда, а о том, что изначально нераспространение ст. 401 ГК на указанные отношения не исключает ответственности за «убытки» по иным правилам (о деликтной ответственности). Выходит, что вред возмещается по собственным правилам о деликтной ответственности (без применения ст. 401 ГК). Поскольку это утверждение надлежаще не аргументировано, то попробуем разрешить этот вопрос.

Начнем с судебной практики и с предложенного высшей судебной инстанцией варианта разрешения коллизии между п. 1 ст. 308.3 и ст. 397 ГК. Эта коллизия аналогична той, которая существует между п. 3 ст. 401 ГК и п. 2 ст. 1064 ГК. В случае,

если будет сделан вывод о логической приемлемости способа разрешения коллизии между п. 1 ст. 308.3 и ст. 398 ГК, который использовал Верховный Суд, этот способ следует применить и к разрешению коллизии между п. 1 ст. 401 ГК и п. 2 ст. 1064 ГК. П. 1 ст. 308.3 ГК общей нормой предоставляет кредитору возможность защиты своего нарушенного права путем предъявления требования о понуждении должника к исполнению обязательства в натуре. Специальная норма, закрепленная в ст. 397 ГК, такого способа защиты права в предусмотренных этой статьей случаях не предусматривает. Пленум Верховного Суда в п. 25 Постановления от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса об ответственности за нарушение обязательств» пришел к выводу о том, что ст. 397 ГК не исключает применения ст. 308.3 ГК. Однако данное разъяснение не в полной мере соответствует логике взаимоотношений между рассматриваемыми правовыми нормами и законодательными положениями.

Суть проблемы в том, что оба эти законодательные положения содержат оговорки «если иное не установлено законом». Такая оговорка, дополняющая общую правовую норму, предусмотренную ст. 308.3 ГК, конечно же, отсылает к специальной правовой норме, установленной ст. 397 ГК. Но такая же оговорка, дополняющая специальную правовую норму, установленную ст. 397 ГК, не может отсылать к общей правовой норме. В противном случае для специальной правовой нормы предмета правового регулирования не остается (весь он «уйдет» в предмет правового регулирования общей нормы). Напротив, оговорка «если иное не установлено законом», дополняющая общую норму, «отдает» в сферу регулирования специальной правовой нормы только часть своего предмета, оставляя за собой только ту часть предмета своего регулирования, которая не «ушла» в предмет регулирования специальных правовых норм.

Аналогично соотносятся и правовые нормы, установленные п. 3 ст. 401 ГК и п. 2 ст. 1064 ГК. Первое из названных законодательных положений устанавливает общую правовую норму, второе – специальную правовую норму. Оба эти положения содержат юридически тождественные, но изложенные в разной грамматической форме оговорки «если иное не предусмотрено законом». Оговорка, которой дополнена общая правовая норма, установленная п. 3 ст. 401 ГК, отсылает, в частности, к п. 2 ст. 1064 ГК. Оговорка, которой дополнена специальная правовая норма, установленная п. 2 ст. 1064 ГК, к общей правовой норме не отсылает. Следовательно, несмотря на то, что п. 2 ст. 307.1 ГК предусматривает применение к обязательствам вследствие причинения вреда общих положений об обязательствах, п. 3 ст. 401 ГК к обязательствам вследствие причинения вреда применяться не может: лица, которые причинили вред другим лицам при осуществлении предпринимательской деятельности, обязуются к возмещению вреда только при наличии их вины, если только иное не установлено правовыми нормами, которые являются специальными по отношению к правовой норме, установленной п. 2 ст. 1064 ГК.

В научной литературе и судебной практике не всегда учитывается возможность применения к обязательствам вследствие причинения вреда общих положений об обязательствах. Так, в апелляционном определении Воронежского областного суда от 05 июля 2014 г. № 33-3755/2014 повторяется фрагмент мотивировочной части решения суда первой инстанции, в котором воспроизводится содержание ст. 1091 ГК. Между тем, в данном случае имеется коллизия между специальной правовой

нормой, которая установлена в ст. 1091 ГК и распространяется на случаи, когда в субъекте Российской Федерации не установлена величина прожиточного минимума, подлежащая использованию при индексации размера возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, и общей правовой нормой, установленной ст. 318 ГК. Уникальность этой коллизии обусловлена тем, что указанная специальная правовая норма на случай невозможности индексации размера возмещения вреда в соответствии с величиной прожиточного минимума в субъекте Федерации в связи с отсутствием в данном субъекте такой величины устанавливает, что сумма возмещения вреда «должна быть не менее установленного в соответствии с законом величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации». Начав текст ст. 1091 ГК с индексации и ее критериев, законодатель в конце статьи установил минимальный размер суммы возмещения без какой-либо связи с первоначально установленным размером возмещения и показателями, на основании которых он был определен. Таким образом, это правило вообще не касается индексации размера возмещения, а потому и не исключает применения общей правовой нормы, установленной ст. 318 ГК, к обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего. Это уникальный случай, когда специальная правовая норма, которая должна применяться преимущественно перед общей и в силу правила «*lex specialis derogat generali*» и в силу указания закона (п.2 ст. 307.1 ГК), все-таки в конечном счете оказывается неспособной конкурировать с общей правовой нормой ввиду отсутствия у специальной правовой нормы необходимых признаков для ее включения в систему правового регулирования соответствующих отношений.

К обязательствам вследствие причинения вреда могут применяться другие многочисленные нормы, установленные подразделом 1 раздела III Гражданского кодекса. Но важно обратить внимание и на то, что есть и такие случаи, когда при применении общих положений об обязательствах необходимо учитывать положения института обязательств вследствие причинения вреда. Так, в соответствии с п.1 ст. 404 ГК, «если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд соответственно уменьшает размер ответственности должника». В.В. Байбак поставил вопрос о том, как же следует интерпретировать оценочный термин «соответственно», и со ссылкой на одно из определений Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда утверждает, что слово «соответственно» должно толковаться как в зависимости формы вины каждой их сторон, и дополняет, что «этот подход во многом основан на аналогии с деликтной ответственностью» и ссылается на п.2 ст. 1083 ГК [9, с. 716]. Применение аналогии закона в данном случае противоречило бы п.1 ст. 6 ГК, поскольку нет неурегулированности общественных отношений. Но учитывать при толковании п. 1 ст. 404 ГК то понимание критерия уменьшения размера ответственности, которая вытекает из п. 2 ст. 1083 ГК, возможно, и было бы разумным (наши сомнения на этот счет связаны с возможностью учета другого критерия, которым могла бы быть мера причинения).

Особенно важно учитывать положения института обязательств вследствие причинения вреда при применении общих положений об обязательствах, предполагающих учет причинной связи. В ст. 393 ГК и в других общих положениях об обязательствах (ст. 404, 405, 406 ГК) указывается на возмещение «причиненных» убытков, но при этом не содержится каких-либо разъяснений относительно того, какие

же убытки следует считать «причиненными». Научная литература изобилует концепциями причинной связи, но при этом не дает каких-либо разъяснений относительно того, как же законодатель понимает причинную связь. А законодатель отвергает саму идею перерыва причинной связи, которая разрабатывалась и обосновывалась в немецкой юридической литературе в XIX веке и оказывается не забытой и сегодня в России.

Так, в соответствии с п.2 ст. 1079 ГК при наличии вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности. Казалось бы, противоправное завладение источником повышенной опасности должно прерывать причинную связь между действиями (бездействием) владельца источника повышенной опасности и тем вредом, который возникает после противоправного изъятия этого источника из обладания его законного владельца, поскольку лицо, противоправно завладевшее названным источником, должно само нести ответственность за последствия, возникшие в ходе дальнейшей эксплуатации указанного источника. Но законодатель решил иначе: он допустил частичное возложение ответственности за эти последствия на владельца источника повышенной ответственности, и, таким образом, признал, что есть причинная связь между действиями (бездействием) владельца этого источника и вредом, возникшим в результате эксплуатации источника повышенной опасности после его противозаконного изъятия, что причинная связь не прерывалась. Тем самым законодатель выразил свое понимание причинной связи, которое должно учитываться при применении не только ст. 1079 ГК, но и общих положений об обязательствах, в особенности ст. 393 ГК, регулирующей отношения по поводу возмещения убытков, причиненных нарушением обязательства. И эта позиция законодателя имеет глубокие корни: еще до принятия Гражданского кодекса 1964 г. Верховный Суд СССР выработал правовую позицию, которая аналогична содержанию рассматриваемого положения предложения третьего п.2 ст. 1079 действующего Гражданского кодекса Российской Федерации. Аналогичное понимание причинной связи вытекает из части третьей ст. 1080 ГК.

Поэтому судебная практика, подчиняясь воле законодателя, уже давно должна была бы при применении ст. 393 ГК и других законодательных положений, предполагающих учет причинной связи, принять во внимание то понимание причинной связи, которое вытекает из ст. 1079 и 1080 ГК. Что касается научных поисков, то они могут обосновывать любые концепции причинной связи только тогда, когда речь идет о сугубо теоретических аспектах или об обосновании предложений *de lege ferenda*. Если же научные исследования ведутся в пределах правоприменительной проблематики, то они также должны учитывать то понятие причинной связи, которое вытекает из ст. 1079 и 1080 ГК и которое имеет общее значение, выходящее за рамки института обязательств вследствие причинения вреда.

Дальнейшее научное исследование проблемы применения общих положений Гражданского кодекса об обязательствах к отношениям, регулируемым институтом обязательств вследствие причинения вреда может выявить много новых аспектов таких связей. Это будет способствовать развитию науки гражданского права, совершенствованию практики правоприменения и подготовит почву для дальнейшего совершенствования гражданского законодательства России.

Список литературы:

1. Юридическая техника: учебник/ Под ред. В.М. Баранова. – М.: Проспект, 2021. – 648с.
2. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. – М.: Юстицинформ, 2014. – 536 с.
3. Новейшее учение о толковании права/ Под ред. В.Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. – 782 с.
4. Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
5. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381с.
6. Перетерский И.С. Толкование международных договоров. – М.: Госюриздат, 1959. – 172 с.
7. Драгунова Т.В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений// СПС «КонсультантПлюс».
8. Синицын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах. Дисс... доктора юрид. наук. – М., 2017. – 604 с.
9. Обязательственное и договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского Кодекса Российской Федерации/ Под ред. А.Г. Карапетова. – М.: Статут, 2017. – 1120 с.

N. Plieva. Application of the general provisions of the Civil Code on obligations to relations regarding compensation for harm // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – P. 183-191.

The article presents the results of a study of the problem of applying general provisions on obligations to relations regarding compensation for harm. Attention is drawn to the fact that Article 307.1 of the Civil Code provides for such application, but does not contain a rule on the possibility of applying general provisions on contracts to such relations, which cannot be considered correct. The conclusion is substantiated that paragraph 3 of Article 401 of the Civil Code cannot be applied to obligations as a result of causing harm due to the presence of a clause in this paragraph "unless otherwise provided by law". There is shown the possibility of applying the Article 381 of the Civil Code to obligations as a result of causing harm due to the presence in the Article 1091 of the Civil Code such substantive defects precluding the possibility of its application. The possibility of interpreting the concept of causality, which is used in the formulation of general provisions on obligations is substantiated, considering that understanding of causality that follows from Articles 1079 and 1080 of the Civil Code.

Keywords: compensation for harm, systemic relations, guilt, obligations, legal norms, causality

Spisok literaturyi:

1. Yuridicheskaya tehnika: uchebnik/ Pod red. V.M. Baranova. – M.: Prospekt, 2021. – 648 s.
2. Krasnov Yu.K., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. Yuridicheskaya tehnika: uchebnik. – M.: Yustitsinform, 2014. – 536 s.
3. Noveyshee uchenie o tolkovanii prava/ Pod red. V.G. Rotanya. – Simferopol, 2019. – 782 s.
4. Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskih zakonov. – M.: TsentrYurInfoR, 2002. – 508 s.
5. Cherdantsev A.F. Tolkovanie prava i dogovora. – M.: YuNITI-DANA, 2003. – 381s.
6. Pereterskiy I.S. Tolkovanie mezhdunarodnyih dogovorov. – M.: Gosyurizdat, 1959. – 172 s.
7. Dragunova T.V. Konkurentsiya dogovornyih i deliktnyih trebovaniy v sfere predprinimatelskih otnosheniy// SPS «KonsultantPlyus»
8. Sinicyн S.A. Obshchee uchenie ob absol'yutnyh i otnositel'nyh sub"ektivnyh grazhdanskih pravah. Diss... doktora yurid. nauk. – M., 2017. – 604 s.
9. Obyazatel'stvennoe i dogovornoe pravo (obshhaya chast'): postatejny'j kommentarij k stat'yam 307-453 Grazhdanskogo Kodeksa Rossijskoj Federaczi/ Pod red. A.G. Karapetova. – M.: Statut, 2017. – 1120 s.